

ЭРНЕСТ СЕТОН-ТОМПСОН

**МУСТАНГ-
ИНОХОДЕЦ
(СБОРНИК)**

Правильное чтение

Эрнест Сетон-Томпсон
Мустанг-иноходец (сборник)

«ФТМ»
до 1930 г.

УДК 821.111-93(71)
ББК 84(7Сое)-44

Сетон-Томпсон Э.

Мустанг-иноходец (сборник) / Э. Сетон-Томпсон — «ФТМ», до
1930 г. — (Правильное чтение)

ISBN 978-5-04-100213-8

В книгу вошли известнейшие произведения Э. Сетон-Томпсона о животных:
«Домино. История одного черно-бурого лиса», «Мустанг-иноходец»,
«Виннипегский волк», «Королевская Аналостанка», «Снап. История
бультерьера».

УДК 821.111-93(71)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-100213-8

© Сетон-Томпсон Э., до 1930 г.
© ФТМ, до 1930 г.

Содержание

Домино	6
Часть первая	6
Глава I	6
Глава II	10
Глава III	13
Глава IV	17
Глава V	19
Глава VI	22
Глава VII	24
Часть вторая	28
Глава VIII	28
Глава IX	30
Глава X	32
Глава XI	33
Глава XII	37
Глава XIII	40
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Эрнест Сетон-Томпсон

Мустанг-иноходец. Рассказы о животных

© Перевод. Н. Чуковский, наследники, 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Домино История одного чёрно-бурого лиса

Часть первая Золотое детство

Глава I Родной дом

Солнце село за Голдерские горы, и мягкие сумерки, которые так любят все животные, разлились над морем холмов и равнин. Закат пылал, а маленькие долинки были наполнены кротким сиянием, лишённым теней. Высоко на холме, недалеко от реки Шобан, зеленела сосновая роща. Хорошо и спокойно было здесь в сумерки. Посреди этой рощи на полянке жила семья лисиц.

Вход в нору скрывался на опушке. В этот час всё семейство вышло на воздух порезвиться и наслаждалось вечерней прохладой.

Мать следила за игрой детей. Она самым усердным образом поддерживала общее веселье. Пушистые малыши резвились с беззаботностью только что начавших жить существ, для которых высшей силой является мать, и эта сила вся к их услугам, а следовательно, весь мир для них – друг. Они играли и боролись с буйным весельем, гонялись друг за другом, за мухами и жучками, смело принохивались к толстым шмелям и бешено носились, стараясь поймать кончик материнского хвоста или отнять друг у друга какой-нибудь старый, давно уже брошенный объедок.

Они играли ради игры и рады были всякому предлогу, чтобы поднять новую кутерьму.

В этот вечер игрушкой лисят было засохшее утиное крыло. Десятки раз оно переходило от одного к другому. Но вот его наконец схватил самый бойкий лисёнок, с чёрной полосой поперёк мордочки. Не уступая никому, он стал носиться по кругу со своей добычей, пока остальным не надоели бесполезная погоня и игра. Тогда он выпустил крыло, но тотчас же вце-

пился в хвост матери и теребил его до тех пор, пока она внезапным прыжком не вырвала своего хвоста, опрокинув на спинку маленького забияку.

Во время этой суматохи на полянке появился старый лис. Увидев его, мать вздрогнула, лисята испугались, но знакомый облик тотчас же успокоил всех: это был отец.

Он нёс пищу, и потому все жадно повернули в его сторону глаза и носы. Отец опустил на землю свою ношу – только что задушенную выхухоль, – и мать побежала за ней.

Охотники рассказывают, что лиса никогда не приносит добычу к самой норе, если лисята не дома. А в рассказах охотников иногда бывает и правда.

Мать швырнула выхухоль детям, и они набросились на неё. Они дёргали и таскали зверька, рыча и страшно тараша глазёнки друг на друга, и каждый отчаянно тряс головой, стараясь урвать свою долю добычи.

Мать смотрела на возню лисят с мёртвой выхухолью, но в то же время поглядывала и на окружающий лес. Там всегда могли скрываться коварные враги: люди с ружьями, мальчишки и собаки, орлы и совы – всем хочется поохотиться на маленьких лисят.

Она постоянно была настороже, и в этом ей помогал муж. Хотя он играл второстепенную роль в семейных делах и даже совсем не допускался в нору, пока лисята были ещё слепыми сосунками, тем не менее добросовестно приносил пищу и сторожил нору.

Весёлый пир малышей был в самом разгаре, как вдруг издали донеслось отцовское «юр-юр-юр-яап» – сигнал приближающейся опасности. Если бы лисята были побольше, они сами поняли бы значение этого сигнала. Но они были ещё очень малы, и мать поспешила объяснить им, что надо делать: пересказав лисятам отдалённый лай отца низкими, угрожающими звуками, она загнала их обратно в нору, где в полутьме они спокойно покончили с выхухолью.

Среди ферм одной только Новой Англии живёт не менее тысячи пар лисиц. Каждая пара ежегодно выводит детей, и потому весьма вероятно, что такие сцены, как только что описанная, происходят перед каждой лисьей норой в каждый хороший весенний день. Следовательно, не менее чем сто тысяч раз в год эти сцены повторяются у нас под самым носом, а между тем всё это происходит в такой тайне, до того осторожны родители маленьких зверьков, что, быть может, лишь одному из ста тысяч людей посчастливится наблюдать подобную семейную сцену.

В городе Голдере таким счастливецом, одним из ста тысяч, оказался Абнер Джюкс. Это был долговязый, белобрысый, веснушчатый мальчишка, который лазил по деревьям за вороньими гнёздами, вместо того чтобы пасти коров.

Он наблюдал за игрой лисят не просто как всякий мальчишка, а с трепетом будущего естествоиспытателя. Он тотчас заметил лисёнка с чёрной маской на морде, как бы одетого в домино¹, и радостно улыбался его штукам.

¹ Домино – здесь: карнавальный костюм с маской.

Мальчику и в голову не приходило мешать забавам малышей, но тем не менее он оказался невольным виновником неожиданного перерыва в игре, а также всех бедствий, обрушившихся на лисье семейство впоследствии.

Абнер охотился на лисиц только зимой. Он гордился своей охотничьей собакой, которая обещала стать «самым лучшим псом во всём штате». Правда, это был ещё не пёс, а только щенок, но щенок с большими лапами, тонкой талией и широкой грудью. Голос у него был сильный, звучный, и, судя по угрюмому дикому нраву, щенок обещал вырасти презлющим зверем. Обычно Абнер запирал его дома, но на этот раз щенок как-то вырвался на волю и, конечно, тотчас же пустился искать своего хозяина. Его-то приближение и встревожило отца лисят.

Лисица-мать, убедившись, что все семеро её дорогих малюток находятся в безопасности – дома, сейчас же побежала навстречу врагу. Она нарочно избрала такой путь, чтобы непременно попасться на глаза собаке, если бы та приблизилась к норе, и действительно вскоре услышала металлический лай, который заставил биться сильнее даже закалённое сердце её супруга.

Но теперь она не думала о себе. Она увлекла за собою неуклюжего пса, затем, очутившись на безопасном расстоянии от норы, очень просто отделалась от него, сдвоив свой след, и вернулась в нору. Там было всё благополучно. Только черномордый лисёнок, обыкновенно встречавший её у входа, на этот раз забился в самую глубь норы и уткнул свой нос в песок.

Минут пять назад он выглянул было из норы, но услышал жуткий, пронзительный собачий лай, и дрожь пробежала у него по всему хребту, до самого кончика пушистого хвоста. Малыш поспешно забрался в самый дальний угол и лежал там скорчившись ещё долго после того, как всякая опасность миновала.

До сих пор он жил в мире любви. Теперь в этот мир вторгся страх.

Глава II Несчастье

Среди охотников очень распространено мнение, будто лиса не трогает того птичника, который ближе всех к её норе. Она старается не навлечь на себя гнев ближайшего соседа и поэтому предпочитает ходить за добычей на более отдалённые фермы.

Быть может, по этой причине на птичьем дворе Джюкса всё было благополучно, а у Бентона то и дело пропадали куры. Старик Бентон вообще не отличался долготерпением, а когда исчезло более четверти его прекрасных кур, он окончательно взбесился.

В следующее воскресенье сыновья Бентона – Сид и Бэд, проходя по вершине холма, услышали лай Джюксовой собаки, напавшей на след лисы. Мальчики не особенно дружили с собакой и потому не стали вмешиваться в это дело. Они остановились и, наблюдая сверху за происходившей в долине охотой, видели, как ловко лиса провела собаку, когда ей надоело убежать.

Но не успели они тронуться с места, как лиса появилась опять, и на этот раз с белой как снег курицей в зубах. Бентон очень гордился своими породистыми белыми курами, и не было сомнения, что именно одну из его кур унесла лиса. Белая курица хорошо заметна издали, и мальчики без труда проследили похитительницу до самого входа в нору.

Полчаса спустя они уже стояли среди белоснежных перьев породистой курицы. Мальчики попробовали было просунуть в нору длинный шест, но он застрял в изгибе хода, и лисята, хотя и страшно перепуганные, остались невредимы. Старые лисы в это время металась поблизости в лесу. Испуганные, они убежали от норы, но нора – а в ней остались лисята – тянула их к себе. Они пытались подойти к норе, но каждый раз, услышав голоса людей, отбегали и прятались в кустах.

Хотя нора находилась на земле, принадлежавшей Джюксу, дети Бентона всё-таки решили прийти ещё раз на другой день и выкопать лисицу. Но лисица-мать уже встревожилась: её дом

стал теперь опасным. Тотчас же начала она рыть новую нору и на рассвете приступила к переноске своего семейства.

У деревенских жителей, если они хотят отобрать лучшего из новорождённых котят, существует простой и естественный способ отбора: они выносят котят в открытое поле. Кошка скоро находит своих детей и начинает перетаскивать их обратно. Тот котёнок, которого она возьмёт первым, и считается самым лучшим. Это верная примета: самый шустрый котёнок всегда выберется из кучи наверх, первый обратит на себя внимание матери, а потому она и несёт его домой прежде всех.

В старой норе первым встретил лисицу тот лисёнок, который был самым бойким и самым сильным, – Домино, и его первого перенесла она в новое, безопасное убежище. Затем она взяла самую здоровую из его сестёр, а в третий раз – маленького крепыша-брата. Отец тем временем сторожил на соседних холмах.

Стало рассветать. Мать пустилась в путь с третьим лисёнком, как вдруг отец подал сигнал тревоги.

Мальчики Бентона явились с заступом² и киркой, чтобы раскопать лисью нору, но в трёх шагах от входа они наткнулись на большой камень. Пока они рассуждали, как им быть, из каменоломни в горах донёсся гул взрыва, и план действий был готов. Один из мальчиков схо-

² Заступ – лопата.

дил в каменоломню и вскоре вернулся с динамитным патроном. Они заложили патрон в трещину камня. Через минуту страшный взрыв потряс склон холма. Когда улеглось облако пыли, оказалось, что взрыв засыпал вход в нору грудой камней. Лисята, без сомнения, были раздавлены или задохлись. Взрыв превратил жилище в могилу, и мальчики ушли.

Если бы они вернулись сюда ночью, они увидели бы, как лисы, отец и мать, разрывали лапами землю и напрасно грызли осколки гранита, стараясь попасть в родную нору. На следующую ночь лисы приходили снова. На третью ночь явилась только одна мать, а затем и она оставила безнадёжные попытки.

Глава III

Новый дом

Новый лисий дом находился на расстоянии мили от прежнего и уже не на вершине холма, а внизу, у реки, там, где она покидает холмы и растекается по лугам. Тут, в широкой ложине, окружённой скалами, где густо переплетались корни осин и берёз, лисы устроили новое жилище. Вход в него охраняли два больших гранитных камня. Прежняя нора находилась на склоне холма, в сосновой роще, а эта – в ложине, заросшей осиною. Сосна вечно шумит и вздыхает, осина всё время дрожит и трепещет. А мимо со звонкой песней катит свои волны река.

У входа в нору начинались густые заросли, которые спускались к заросшей осокой тихой речной заводи. Этот зелёный скат служил местом игр для трёх малышек, и здесь всё лето можно было десятки раз наблюдать прежнюю сцену возвращения домой охотника-отца с добычей. Вся трава была примята от вечной возни лисят и вытоптана их лапками.

Лисята быстро росли, но быстрее всех рос тот, у которого с каждым днём всё темнее становилась маска на мордочке.

Родители принялись обучать их охоте. Лисята почти все уже не сосали мать и ели то же, что и взрослые. И вот теперь отец и мать устраивали так, чтобы детям приходилось добывать пищу как бы самостоятельно. Они уже не приносили добычу к самой норе, а оставляли её в лесу – всё дальше и дальше, по мере того как лисята становились сильнее. Заслышав призыв матери, дети бросались в лес, и там начиналась серьёзная игра, от результатов которой зависел обед.

Надо было видеть, как они носились в чаще кустарника, как рыскали и кружили по заросшим травой склонам, разглядывая и обнюхивая каждую ямку!

Как радостно они летели вперёд, опрокидывая друг друга, когда ветер подсказывал им, куда бежать, и как прекрасно в конце концов они научились мчаться во весь опор по следу отца или матери прямо к запрятанной пище!

Так они приучались к настоящей охоте.

Темномордый лисёнок был самый сметливый, самый сильный и самый ловкий. Он умел лучше всех находить пищу и потому питался лучше всех. Ему всегда доставались самые большие и лакомые куски. Он рос быстрее других лисят, и разница между ними становилась заметнее с каждым днём. Но у него было и ещё одно отличие: его детская тёмно-серая шубка стала темнеть. У брата и сестры начала пробиваться рыжая и жёлтая шерсть, свойственная их породе, а у него шерсть день ото дня чернела, а на морде и на лапах сделалась совсем чёрной.

Был уже конец июля. Старые лисы не только без устали добывали детям пищу с соседних ферм, но и заботливо оберегали их от всякой опасности. Звонкий лай чёрной собаки часто раздавался вблизи их ложины, и всегда, услышав его, чёрный лисёнок дрожал. Но каждый раз отец или мать отправлялись навстречу врагу и, обманув его какой-нибудь простой уловкой, заставляли вернуться домой ни с чем. Среди прибрежных скал обмануть собаку было так легко, что лисы стали относиться с пренебрежением к своему неуклюжему противнику и сделались не в меру самоуверенны.

Однажды, когда все три лисёнка сновали по поляне в поисках только что принесённой отцом добычи, откуда ни возьмись на них ринулась пятнистая собака.

В ужасе от её громового рычания, лисята бросились в разные стороны, но младший братишка не успел увернуться: громадные челюсти схватили его.

Страшный зверь принёс свою добычу на ферму и, положив к ногам хозяина, смотрел на него, ожидая похвалы. Однако хозяин не похвалил пса.

Беда никогда не приходит одна. На рассвете следующего дня лис-отец бежал домой с только что пойманной уткой, как вдруг собачий лай заставил его свернуть в сторону с привычного и хорошо знакомого пути. Он очутился на дорожке, обнесённой высокой изгородью с обеих сторон. Он не мог перебраться через изгородь, не выпустив изо рта утки. Лис побежал вдоль изгороди, но собаки уже нагоняли его. Тогда он юркнул в первый попавшийся проход. Увы! Несчастный попал во двор, где жила другая собака, и тут ему пришёл конец.

Семья его об этом не узнала. Отец не вернулся домой, не принёс добычи. Мать и двое лисят остались голодными. Голод – вот, пожалуй, и всё, что они ощущали в этот день. В норе среди осин осталась только мать с двумя детьми. Лисица-мать отважно приняла на себя все тяготы. Впрочем, её заботы о детях уже почти окончились. В августе они начали ходить вместе с нею далеко на охоту и сами добывали себе пищу. В сентябре дочь была уже с мать ростом, а темношёрстый сын значительно перерос её и стал гораздо сильнее матери.

Теперь между сестрой и братом и между матерью и сыном отношения изменились: обе лисицы начали сторониться этого высокого красавца лиса и наконец стали просто избегать его.

Мать с дочерью ещё продолжали жить вместе, но какой-то тонкий инстинкт уже разрушал семейные узы. Они держались дружески с высоким чёрным лисом, когда встречались случайно, но, по-видимому, избегали этих встреч. Так быстроногий Домино, научившись заботиться о себе, покинул старую осиновую ложбинку и начал жизнь лиса-одиночки.

Глава IV

Новый наряд и новая жизнь

С этих пор Домино вступил в широкий мир, полный житейских бурь, лежавший за пределами родного уголка под тенью осин. Теперь он начал самостоятельную жизнь и должен был полагаться только на собственные силы, чтобы быть сытым и целым. С каждым днём он становился умнее, осторожнее и красивее.

Вскоре после ухода из родной норы ему пришлось спастись от преследования, которое показало ему, что иной раз сметливость спасает лучше, чем самые быстрые ноги. Кроме того, он сделал открытие, что у него есть верный друг в минуту опасности – друг, которого он видел и раньше каждый день, но с которым познакомился только теперь.

Однажды за Домино погнались две собаки, и, спасаясь от них, долго бегая по скалам, он изрезал в кровь свои лапы. День был сухой и знойный. Сделав отчаянное усилие, Домино намного опередил своих преследователей и помчался к реке, чтобы охладить свои разгорячённые, усталые, окровавленные ноги. Спустившись к реке, он побрёл по мелкой воде против течения, наслаждаясь прохладой. Он прошёл по воде уже с четверть мили³, как вдруг снова услышал приближающийся лай и увидел собак, добежавших до реки по его следу. Молодой лис спрятался в кустах на островке и из своего безопасного убежища с удовольствием наблюдал, как собаки, добежав до берега, потеряли след, носились взад и вперёд, стараясь отыскать его снова, и, наконец, не найдя ничего, совершенно сбитые с толку, повернули домой.

³ Милья – единица длины, равная 1609,34 метра.

Быть может, лис не понимал отчётливо, что вода скрыла следы, но у него всё же созда-лось представление, что река – хорошее место, куда можно уйти от неминуемой опасности. Впоследствии это подтверждалось не один раз. Так, например, у другого берега, гораздо ниже по течению, была песчаная отмель, на которой, по-видимому, не оставалось следов и которая, следовательно, не могла выдать присутствие беглеца. Когда настала зима и река покрылась тонким слоем блестящего льда, Домино увидел, что этот лёд прекрасно держит его и ломается под собакой, которая проваливается в воду.

Но самым полезным местом оказался скалистый обрыв над рекой. Под обрывом вилась тропинка, вначале довольно широкая, а затем суживавшаяся настолько, что ещё кое-как была проходима для лисицы, но слишком узка для охотничьей собаки. Тропинка эта огибала мыс, а потом отлого поднималась на скалу и вела в лес, до которого любой иной дорогой было добрых две мили.

Кроме того, Домино узнал, что, когда в других местах охота плоха, у реки всегда найдётся что-нибудь съестное. Была ли то выброшенная на берег рыба, или дохлая птица, или хоть лягушка, всё же можно было утолить голод. И у него составилось твёрдое убеждение, что вообще река – прекрасное место, полезное в трудные минуты жизни. Река стала его другом.

Вот как изменился за это время наш молодой зверь.

Постоянно угрожавшая его жизни опасность удесятилась.

С наступлением холодных осенних ночей его шуба стала гуще, пушистее и изменила цвет. С каждым днём его шерсть всё темнела, пока наконец рыжие и серые оттенки не исчезли совсем. И всякий, кто знает толк в мехах, мог бы сказать: «Не предвестник ли это ещё большей красоты? Не станет ли этот молодой лис настоящим чёрно-бурым лисом?»

Добыть шкуру чёрно-бурой лисицы – величайшее счастье, о котором только может мечтать охотник. Но это сокровище тщательно охраняется хитростью и быстротой самого зверя.

Чёрно-бурая лисица только зимой сильно отличается от обыкновенной. Чёрно-бурого лисёнка, пока он ещё не переменял своей детской шубки, легко принять за обыкновенного. Только с приближением зимы можно обнаружить красоту счастливицы. И вот, когда прошла осень и в Голдере наступили морозные ночи, темнеющая зимняя шуба Домино с каждым днём становилась всё пышнее и гуще, хвост с белым кончиком – пушистее, а тёмная полоса поперёк морды – всё чернее, резко выделяясь подобно маске среди обрамляющей её серебристой шерсти. Голова и шея также приобрели блестящий чёрный цвет. Наконец, как звёзды, усеивающие тёмное ночное небо, появились блестящие белые кончики волос на фоне чёрного как мрак меха. Тот, кто видел черномазого лисёнка в июле, ни за что не узнал бы его теперь, в ноябре, в полном блеске благородного зимнего наряда: Домино превратился в великолепного чёрно-бурого лиса.

Глава V

Красавец и чудовище

Скоро всем стало известно, что в Голдере появился чёрно-бурый лис. Люди уже не раз видели этого красавца, это чудо среди пушных зверей, и некоторые полагали даже, что собаке Джюкса, чёрной Гекле, не раз удавалось гнаться за ним по пятам. Так, по крайней мере, рассказывал сам Джюкс, хотя соседи его смеялись над подобными баснями и утверждали, что чёрно-бурая лисица просто издевалась над глупым псом и, заставив его бежать сломя голову, всегда оставляла в дураках с помощью какой-нибудь из своих бесчисленных уловок.

У Геклы был замечательный голос: громкий, низкий и такой звучный, что в тихие ночи он был слышен за несколько миль. Лай этот казался механическим, потому что собака неизменно лаяла при каждом скачке, даже когда возвращалась домой по собственному следу.

Мальчики Джюкса воображали, что Гекла – чудесная, образцовая охотничья собака. Но соседи говорили, что это помесь лисьего капкана и паровой сирены, да к тому же ещё угрюмая

и дикая скотина. Более беспристрастные люди признавали, что Гекла – крупный, быстроногий, злой щенок, обладающий действительно особенным, незабываемым голосом.

Впервые я услышал лай Геклы, когда она была заперта на ферме. Этот звонкий, жуткий, металлический голос потом целый день стоял у меня в ушах.

И вот однажды осенью, на закате солнца, когда я бродил в лесу у подножия Голдерских холмов, мой слух поразил тот же самый металлический лай, доносившийся издали. Я тотчас же узнал его и догадался, что Гекла идёт по чьему-то следу. Я прислушался и вскоре понял, в чём дело. Послышался лёгкий шелест листьев, и через несколько мгновений я увидел великолепное животное – чёрную, как уголь, лисицу. Она на минуту задержалась, став передними лапами на лежащий ствол дерева, чтобы оглянуться в сторону врага. Лисица была всего в пятидесяти шагах от меня, и я знал, что надо было делать: приложив к губам руку, я втянул в себя воздух и громко чмокнул. Лисица тотчас повернулась ко мне и стала быстро ползти в мою сторону.

Вот между нами уже не больше двадцати шагов. Она остановилась в грациозной позе, с насторожёнными ушами, несколько загнутым кверху хвостом и приподнятой передней лапой, стараясь определить, откуда донеслось заманчивое чмокание крысы или кролика.

О, что это был за мех!

Стояла ещё ранняя осень, но на фоне чёрного блестящего меха уже резко выделялись белая как снег грудь и светлый кончик хвоста. Жёлтые глаза её горели, как огоньки, а серебристые кончики волос окружали, как сиянием, её голову и шею. Мне кажется, я ещё никогда в жизни не видал такого прелестного создания. Наконец я сообразил, что это, должно быть, и есть голдерская чёрно-бурая лисица. Я не двинулся, она тоже. Как это часто случается, животному, по-видимому, не приходило в голову, что перед ним находится человек. Но лисица хорошо слышала по приближающемуся металлическому лаю, что по её следам идёт Гекла, и повернулась, чтобы бежать далее. Тут я снова чмокнул и ещё раз имел счастье наблюдать изящную позу насторожившегося животного. Но я выдал себя неосторожным движением, и лисица мгновенно скрылась.

Минут десять спустя передо мною появилось другое животное: мерно лая через каждые несколько футов, продираясь сквозь кустарник, ломая на пути всё, что не гнулось, неуклюжая, тяжёлая, с налитыми кровью глазами, не обращая ни на что внимания, кроме следа на земле, с мрачным упорством двигаясь вперёд, показалась Гекла – знаменитая Гекла, которая собиралась помериться силами с самым быстроногим из обитателей Голдерских холмов.

Невольно становилось страшно при виде того, как этот громадный, грузный зверь обнюхивал землю и безошибочно находил каждый поворот лисьего следа. Было как-то жутко подумывать, что след может точно сказать, куда направилась лисица. А между тем это было так, и Гекла ни разу не повернула обратно. Я чмокнул собаке, но с таким же успехом можно было бы чмокать какому-нибудь капкану. Единственной её мыслью было не терять следа, пока он не приведёт к лисице. А что было бы потом, об этом я мог судить по злым, налитым кровью глазам собаки и по ошестинившейся шерсти на хребте. Я сам охочусь на лисиц и люблю эту охоту, но в тот день вид прелестного создания, преследуемого безжалостным Цербером⁴, от которого нельзя уйти, произвёл на меня такое же впечатление, как вид ядовитой змеи, душащей прекрасную певчую птичку.

Старинная дружба человека с собакой была забыта, и с тех пор моё сердце перешло на сторону чёрно-бурого лиса.

Глава VI

Зимняя жизнь Домино

Пришла зима, и деревенские мальчишки принялись за свою беспорядочную охоту на лисиц. Пустив вперёд двух-трёх псов, они плетутся обычно позади пешком, со своими ружьями.

Однажды на след Домино напала настоящая конная охота с целой сворой собак, но Домино скрылся в скалах возле реки. С каждым удачным уходом от своих врагов он становился всё сильнее и всё лучше умел сбивать с толку преследователей. Кроме того, он совершенствовался ещё и в умении владеть собой. Страшный лай громадной собаки пугал его по-прежнему, но Домино научился преодолевать свой страх, и мужество его всё возрастало.

Он вёл теперь обычную жизнь одинокого лиса. У него не было норы – лисы зимой мало живут в норах. Он ложился спать на открытых местах, где защитой от холода ему служили его пышная, густая шуба и пушистый хвост. А острый нюх надёжно охранял его от приближающейся опасности.

⁴ Цёрбер – в греческих мифах – чудовищный пёс, охраняющий вход в царство мёртвых.

Спал он только днём, на солнце. Таков уж неписанный закон лисиц: «Ночь существует для охоты, день – для сна». Когда после захода солнца начинало темнеть, Домино отправлялся на поиски пищи.

Ошибочно думают, будто всякое дикое животное может видеть в непроглядной тьме: нет, свет ему нужен. Разумеется, он ему нужен гораздо меньше, чем человеку, но всё-таки немного света требуется и для него. Животное может лучше пробираться ощупью в темноте, чем человек, но всё же оно передвигается лишь ощупью. Животные не любят яркого полуденного света. Любимое их время – мягкий полумрак. При луне или в звёздную ночь зимой, когда лежит снег, охотиться удобнее всего.

Итак, едва садилось солнце, Домино выходил на охоту. Он бежал рысцой, держась против ветра, сворачивал в стороны, чтобы обследовать всякую заманчивую заросль, всякий заросший травой буерак, навевался во все места, где ему когда-нибудь посчастливилось прежде, и подбегал ко всякому приметному столбу, камню или углу ограды понюхать, не побывала ли там недавно какая-нибудь лисица. Ведь лисицы, подобно собакам и волкам, имеют обыкновение оставлять свои следы у каждого камня и столба. Затем он бежал по вершинам холмов, принюхиваясь, не донесётся ли с ветром запах съестного. При малейшем шорохе он останавливался и стоял неподвижно, пока не убеждался, что ничего не случилось, или подкрадывался словно кошка поближе, чтобы лучше разузнать, в чём дело. Иногда он взбирался на какое-нибудь пригнувшееся к земле дерево, чтобы осмотреться, или, если дерева не было, делал высокий дозорный прыжок вверх.

Во время этих ночных походов он вовсе не избегал фермерских дворов, охраняемых собаками. По мере заселения пустынных мест число лисиц там увеличивается, так как каждая ферма служит для них источником пищи и непременно имеет двух-трёх постоянных нахлебников лисьей породы. Так и наш Домино, несмотря на присутствие собак, всё-таки бежал от одной фермы к другой. Если нужно было остерегаться собаки, он останавливался на некотором расстоянии и вызывающе лаял. Если собака выскакивала на его лай, он удирал, а если никто не отзывался, он делал вывод, что собака заперта. Тогда он смело прокрадывался во двор и хватал всё, что попадалось. Разумеется, наилучшей добычей ему казалась жирная курица, которую он мгновенно заставлял замолчать, сжав ей шею зубами. Но порой Домино приходилось довольствоваться и брошенными курам объедками хлеба или дохлой крысой, выброшенной из крысоловки. Он не гнушался даже таскать куски из свиного корыта.

Почти всегда, хотя и не каждую ночь, он находил съестное, а ведь, в общем, иметь хороший ужин раз пять в неделю вполне достаточно для того, чтобы не потерять жира и протянуть зиму.

Глава VII

Домино находит себе подругу

Ни одно дикое животное не блуждает бесцельно с места на место – каждое из них имеет свой родной округ, определённый участок для охоты. За этот участок оно готово сражаться и будет защищать его от всякого другого животного своей породы.

Многочисленные наблюдения показывают, что охотничий округ лисицы обыкновенно простирается на три-четыре мили от норы во все стороны. Возможно, впрочем, что округ одной

лисицы отчасти совпадает с округами других лисиц. Но к таким постоянным соседям животное скоро привыкает, хорошо изучив их наружность и запах их следов; в конце концов соседи перестают обращать друг на друга внимание.

Совершенно иное дело, если в округе появляется чужой зверь. Тогда приходится биться или уходить.

Когда «Снежный месяц» пошёл на ущерб, Домино, достигший полного расцвета своих сил, одетый в роскошный мех, начал страдать от одиночества. Временами безотчётное стремление к общению с кем-нибудь заставляло его долго просиживать на пригорке вблизи какой-нибудь фермы, прислушиваясь к лаю собак, если это не было особенно опасно, или даже нарочно вызывать их на погоню за собой. Иногда он останавливался на вершине освещённого луной холма и выпускал протяжный лающий вой. Учёные называют его лисьим лаем, а охотники зовут тоскливым плачем:

Яп, яп, яп, яп, юррр-йоу,
Яп, яп, яп, яп, юррр-йоу...

Однажды, в одну из ночей «Голодного месяца», Домино печально завывал, не надеясь, что кто-нибудь отзовется. Воя, он ещё сильнее чувствовал своё одиночество.

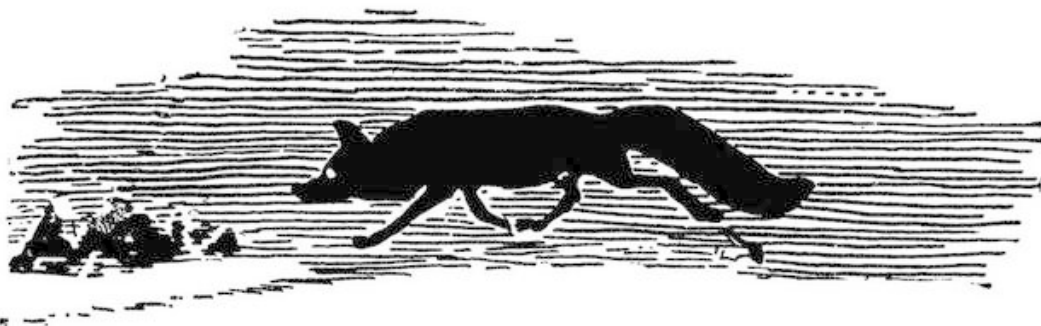
По-людскому «Голодный месяц» называется февраль. Зима стала понемногу сдавать, подул мягкий, влажный юго-восточный ветер, тот самый, который несёт с собою таинственное веяние весны.

Яп, яп, яп, яп, юррр-йоу,
Яп, яп, яп, яп, юррр-йоу... —

снова повторил свой призыв Домино и, зорко осмотревшись кругом, на этот раз уловил вдали тень, промелькнувшую по белому покрову полей. Пока он следил за ней, насторожив уши, другая тень быстро пронеслась по снегу, но уже ближе, и Домино пустился вслед за нею.

Человек знает всех своих соседей только по наружности и легко ошибается, если они хоть слегка изменят её. Лисица в этом отношении стоит выше: она знает своих соседей по запаху их следов, их тела и, кроме того, по наружности, а всё это вместе не может измениться до неузнаваемости. Через несколько мгновений Домино уже напал на след второй тени, и сразу же чутьё безошибочно подсказало ему, что это след рыжего лиса, который живет на Шобане. У Рыжего издавна были тут права охоты, и потому Домино спокойно побегал дальше. Но когда он напал на другой след, оставленный первой тенью, кровь его тотчас же вскипела жаждой битвы: это был след чужой лисы, зашедшей в его места, и он помчался в погоню. Однако,

по мере того как он бежал, принюхиваясь к следу, гнев его пропадал, уступая место иному чувству.

Он ещё раз принюхался к следу и со всех ног бросился по нему вдогонку. Нос его, этот чудесный, непостижимый вожатый, уже шептал: «Скорей!»

С удвоенным пылом понёсся он вперёд и вдруг ещё раз напал на след Рыжего. Всего несколько минут назад Домино пересёк этот след совершенно равнодушно, но теперь всё изменилось: опять новое чувство переполнило его. Теперь это была бешеная злоба. Вся его шерсть, от ушей до хвоста, ошетижилась.

Наконец, пробежав три-четыре поляны, он увидел обеих лисиц. То, что они делали, не походило ни на преследование, ни на драку, и было неясно, в мире они или во вражде. Чужая лиса, небольшая рыжая самочка с пышной белой манишкой, отбегала немного вперёд. Рыжий быстро настигал её, и тогда она оборачивалась и кидалась на него. Он отскакивал, но не огрызался. Так они продолжали бежать, бросаясь из стороны в сторону. При виде этой сцены целая буря страсти и гнева овладела Домино.

Ему почему-то казалось, что он имеет больше прав на внимание Белогрудки, и он был немало озадачен, когда она отвергла его ещё энергичнее, чем соперника. С диким рычаньем Домино обернулся к Рыжему. Тот поднял хвост, выпрямился и, оскалившись, показал два ряда страшных зубов.

Несколько секунд они стояли так один против другого. Воспользовавшись этим, Белогрудка опять пустилась бежать. Соперники быстро последовали за нею, угрожая друг другу на бегу, и Домино первый нагнал беглянку. Она остановилась и огрызнулась, но не очень сердито. Рыжий подошёл с другой стороны и увидел, что ему угрожают и Домино, и Белогрудка.

Соперники схватились между собой. Рыжий был опрокинут и лежал, щёлкая зубами. Домино стоял над ним, но не делал ему никакого вреда.

Белогрудка побежала снова, а соперники держались теперь по обе стороны её, рыча друг на друга.

По мере того как они перебежали через поле, Белогрудка понемногу удалялась от Рыжего и приближалась к чёрно-бурому лису, а когда все трое опять остановились, то лицом к лицу оказались уже не трое друг против друга, а двое против одного. Высокий чёрный лис выпрямился во весь свой рост, шерсть на его шее ошетичилась, хвост поднялся. Грозно рыча и оскалив свои блестящие зубы, он гордо двинулся на противника, а по пятам за ним пошла Белогрудка.

Рыжий понял, что для него всё кончено, повернулся и понуро побежал прочь.

Часть вторая Вдвоём

Глава VIII Весна

Светлая весна вступила в свои права на Голдерских холмах. Потемнели склоны холмов, вскрылись реки, воздух наполнился хлопаньем крыльев, громкими криками на заре и свистом маленьких жаб в уже оттаявших прудах.

В лесу, ещё одетом по-зимнему, проглянула сквозь снег грушица и, выпрямив свои блестящие листочки, казалось, говорила: «Вот чего я ждала, вот когда кстати мои красные ягодки». Куропатки, белки и сурки лакомились этим угощением «Вороньего месяца», и у всех, кто любит мир диких животных, невольно являлась отрадная мысль о том, как мудро мать-природа поступила, припася к голодному времени такую вкусную пищу.

В лесах и на озере уже начиналась пора ухаживаний, которая говорила о близком зарождении новых жизней. Всё это находило живейший отклик в сердцах Белогрудки и Домино.

Как только по откосам заструились первые холодные ручейки тающего снега, наша пара отправилась на поиски жилища.

Они бегали и искали, искали и бегали повсюду, или, правильнее, искала одна Белогрудка, а Домино лишь покорно следовал за ней. Так исходили они песчаные равнины на востоке от Голдерских холмов. Но там везде встречались маленькие знаки, оставленные другими лисицами, смысл которых в переводе на лисий язык был вполне ясен: «Чужим здесь придётся брать место с боя». Затем они излазили все овраги Голдера. Однако в оврагах лежал ещё слишком глубокий снег. Вернувшись снова к реке, они наконец попали на осиную рощицу – ту самую осиную рощицу, где протекло детство Домино. Тут поиски его подруги, по-видимому, окончились, так как на этот раз она нашла всё, что было ей нужно.

Понюхав там и сям, она начала рыть яму в чаше орешника. Земля здесь была покрыта глубоким снегом, под которым лежал толстый слой опавших листьев, и потому сохранила свою

мягкость. В других же местах земля была совершенно промёрзшая, и лисице не удалось бы вырыть нору.

Какое-то необъяснимое чутьё подсказало ей, что нужно рыть именно тут. Домино тем временем взобрался на вершину ближайшего холма и сидел там на страже. Проработав около часа, лисица вылезла из ямы, и Домино сменил её.

Так они рыли поочерёдно несколько дней, и наконец нора была готова. Эта нора состояла из длинного коридора, который сначала спускался вниз, затем шёл вверх, в более широкое помещение, откуда другой коридор вёл в боковое помещение; первый же коридор снова поворачивал вверх и, достигнув замёрзшего слоя земли, пока оканчивался там.

Лисицы ежедневно царапали изнутри замёрзшую землю, которая с каждым днём всё более и более оттаивала, и наконец пробились наружу. Аккуратный круглый вход в нору они прикрыли пучком прошлогодней травы. После этого они зарыли первоначальный вход. Около нового входа не было вырытой земли, и никто не мог бы заметить его, даже стоя рядом, а растущая трава с каждым днём скрывала его ещё больше.

Пищи стало попадаться уже немало, и однажды, поймав неосторожного сурка, вышедшего побродить ночью, Белогрудка зарыла его в сухом песке боковой комнаты.

Теперь супруги старались как можно реже попадаться кому-нибудь на глаза вблизи норы. Много раз Белогрудка бегала по воде ручейка, чтобы не оставлять заметных следов к дому, а Домино нередко распластывался за поваленным деревом в траве, пока какой-нибудь деревенский мальчик проходил мимо, даже и не подозревая близкого присутствия лиса. Чёрно-бурый зверь с каждым днём всё более опасался таких прохожих.

Глава IX Событие

Когда вслед за «Вороньим месяцем» наступил «Травяной», воздух лесов и полей наполнился ожиданием грядущего плодородия. И с Белогрудкой произошла резкая перемена: она стала избегать Домино, как врага, и свирепо рычала на него, когда он пытался следовать за нею в нору.

Домино по целым дням не заходил в нору. И вот во время его отсутствия произошло знаменательное событие.

На свет появилось пять лисят, маленьких, нескладных, «безобразных», как сказали бы люди, но для матери они были самыми прелестными, самыми драгоценными существами в мире. С этой минуты, охваченная материнским чувством, она целиком и безраздельно принадлежала своим детям.

Лишь много часов спустя она решилась на минутку оставить их одних, и то затем только, чтобы утолить жажду прохладной водой ближайшего ручейка. Там на берегу ждал Домино. Белогрудка слегка повела ушами, но не издала ни звука и вообще ничем не показала, что заметила своего супруга. Он лёг ничком на листья, а она вернулась в нору. На следующий день Белогрудка почувствовала голод, но и не подумала выйти за добычей. Пища была у неё спрятана заранее в норе.

Два дня спустя, когда запасы иссякли, она вышла из норы и неподалёку от входа нашла кучку недавно убитых мышей. Быть может, отец принёс их для детей, а не для матери. И мыши пошли впрок детям, хотя были съедены матерью. С этих пор Белогрудка ежедневно находила какую-нибудь пищу, оставленную у входа в нору или спрятанную поблизости в траве.

Две недели лисята оставались слепыми, но затем глазки их открылись. Теперь они уже меньше пищали, и мать могла уходить спокойнее. Домино заметил, что теперь она не так гонит его прочь, а ещё через несколько дней и ему было дозволено присоединиться к семье.

Когда лисятам было уже около месяца, маленькие увальни впервые решились выползти на свет божий. Они двигались очень медленно и неуклюже: у них не было ещё ни ловкости, ни красоты, но была прелесть беспомощных малюток. И всякий, кому случилось бы увидеть молодую семью, тотчас заметил бы чувства, которые эта беспомощность внушала родителям: им, как и всяким родителям, хотелось всё время ласкать и пестовать пушистых крошек, и они были постоянно готовы защищать своих малюток от любого врага, от которого в другое время непременно убежали бы.

С тех пор всё чаще стали повторяться сцены, происходившие в детстве перед домом самого Домино. Лисята с каждым днём крепили и становились всё более похожими на лисиц.

Глава X Старый враг

Однажды Домино возвращался домой с добычей. Навстречу ему из норы высунулись пять чёрных носиков, и пять пар глазёнок, блестящих как бисер, уставились на него. Вдруг невдалеке раздался громкий собачий лай, и Домино в тревоге вскочил на пень, чтобы лучше прислушаться. Сомнения не было: это был тот самый жуткий лай, голос его давнишнего врага. Нельзя было подпустить его к дорожному гнёздышку, и, подавив страх в своём сердце, Домино отважно устремился навстречу собаке, между тем как мать увела малюток в нору.

Гекла тотчас же пустилась за Домино, но теперь она тоже была в полном расцвете сил, и уходить от погони стало труднее. На мгновение собака остановилась, почуяв след Белогрудки, но Домино смело показался из-за кустов, вызывая залаял и снова увлёк преследователя за собой. Лис и собака были молоды и сильны. Целый час гонка продолжалась без устали. Наконец Домино надоело бегать, и он попытался отделаться от собаки, как бывало прежде. Однако теперь это оказалось не так легко: Гекла за это время научилась многому и стала опытной гончей. И первая и вторая уловка не удалась. Тогда Домино вспомнил об узком карнизе вокруг скалистого обрыва, там, где Шобан выходит из гор, и помчался туда, увлекая за собой своего неумолимого врага.

Неизвестно, было ли это случайностью или обдуманном планом, но только оба неслись прямо к обрыву. Всё ближе и ближе. Уже чёрная пышная лисья шубка замелькала по берегу реки. Домино начал замедлять бег. Гекла напрягла все свои силы и, тяжело дыша всей грудью, стала нагонять лиса. Так они достигли наконец широкой тропинки. Домино пошёл ещё тише, а чёрная собака, уже видя свою жертву совсем близко, удвоила свои усилия. Казалось, вот-вот она настигнет лиса.

Между тем тропинка становилась всё уже и уже. Собака наседала. Она была уверена в своей победе: ещё один скачок – и усталый лис будет у неё в зубах... Но хитрый зверь уже помчался стрелой по узкому карнизу вдоль скалы. И Гекла, широкогрудая, коренастая, бросившись за ним, ударила боком о скалу и кувырком полетела по каменистой круче – всё вниз, вниз, вниз, пока наконец, избитая и окровавленная, не скатилась в ледяную воду реки.

А сверху этот полёт спокойно наблюдал чёрный лис.

В этом узком месте Шобан и летом течёт со страшной быстротой, весной же он превращается в клокочущую стремнину⁵. Самая сильная собака утратила бы прыжка в такую пучину, и бедная Гекла, жестоко израненная, выбивалась из сил, борясь за свою жизнь. Бурный поток с диким воем нёс её целых две мили, подкидывая, перевёртывая, швыряя об острые камни и крутя в водоворотах, пока наконец, как бы с презрением, не выбросил несчастное, искалеченное животное на песчаную отмель. Лишь на другой день Гекла кое-как доплелась домой и уже ни в эту весну, ни в это лето не могла снова приняться за охоту.

А пять чёрных носиков и пять пар блестящих как бисер глазёнок на пушистых невинных мордашках продолжали каждый день спокойно появляться у входа в нору.

Их отец оказался хорошим защитником, и осиновая ложбина, где находился их дом, стала долиной мира.

⁵ Стремнина – место в реке с особенно бурным и быстрым течением.

Глава XI

Лань

Лето было в полном разгаре, и «месяц Роз» сиял во всём блеске. Лисята росли поразительно быстро, и двое из них уже успели покрыться тёмно-свинцовой шерстью, которая указывала на их благородное происхождение и много обещала в будущем. Белогрудка и Домино старались теперь приносить домой живую дичь, чтобы лисята могли поохотиться и загрызть её сами.

Каждый день родители устраивали для лисят новые приключения, давали им возможность показать свою быстроту и чутьё. С каждой охотой лисята научались чему-нибудь новому и совершенствовались в охотничьем искусстве. Ради этого Домино почти каждый день приходилось пускаться в рискованные предприятия, где любая другая лисица легко могла бы заплатить жизнью. Но он выходил благополучно из всех испытаний и только развивал свою силу, быстроту и сметливость.

На Голдерских холмах водились сурки, и однажды, разыскивая их в папоротниках, Домино внезапно был поражён странным запахом. Через мгновение он увидел притаившееся в траве довольно крупное животное, светло-рыжее, с белыми пятнами.

Домино инстинктивно замер на месте, не спуская глаз со странного создания и готовый отскочить в сторону, если бы оно бросилось на него. Но рыжее с белыми пятнами существо лежало как мёртвое, припав головой к земле, и глядело на него большими, круглыми, блестящими, полными ужаса глазами.

Лани – это была молодая лань – очень редки на Шобане, и потому Домино, никогда не встречавший их ранее, не знал, что ему делать. Одно было ясно – что притаившийся детёныш больше боится лиса, чем лис его. Когда первый испуг прошёл, любопытство взяло верх, и Домино сделал шаг по направлению к лежащему зверю. Тот не двигался и не дышал. Тогда он сделал ещё шаг. Их разделял всего один прыжок. Но животное продолжало лежать неподвижно.

Ещё один шаг – и когда Домино стоял уже перед самым телёнком, тот вскочил наконец на свои длинные ноги и с жалобным блеяньем неуклюже запрыгал по папоротнику. Домино сделал высокий прыжок в ту же сторону и уже ради забавы последовал за ним.

Вдруг послышался топот, и через несколько мгновений примчалась мать-лань. Шерсть у неё на хребте поднялась дыбом, глаза горели злым зелёным огнём, и Домино тотчас же понял, что попал в беду. Он пустился прочь, но лань, дико фыркая, погналась за ним, яростно стуча по земле острыми копытами. Она была в десять раз больше него и летела как ветер. Быстро

догнав Домино, она лягнула передней ногой, направив в лиса предательский удар, от которого он едва увернулся. Она сделала новый выпад – и опять ловкий прыжок в сторону спас его.

Разъярённая лань неотступно преследовала Домино, не довольствуясь тем, что её детёныш остался цел и невредим. Она, видимо, решила во что бы то ни стало доконать лису, который, по её мнению, намеревался напасть на её дитя.

Она продолжала преследовать свою жертву в зарослях папоротника и терновника и не только не уставала, но как будто становилась всё сильнее. Кусты мешали лису бежать, но для тяжёлой лани они были пустячным препятствием. Если бы не этот проклятый кустарник, такая бешеная скачка, пожалуй, доставила бы даже удовольствие Домино.

Так они прыгали с полчаса, и было ясно, что, увернувшись сто раз, Домино на сто первый оплошает, и тогда один удар копытом принесёт ему верную смерть. Поэтому он счёл благоразумным как можно скорее выбраться на более безопасное место и, выбежав из кустов, пустился во весь дух по открытому полю. Но как ни быстро мчался Домино, спасая свою жизнь, лань не отставала от него ни на шаг. Они вбежали в лес. Домино едва успел увернуться от удара переднего копыта. К счастью, этот удар пришёлся по толстому дереву.

Здесь, среди спасительных стволов, Домино мог вздохнуть свободно и посмеяться над разъярённой ланью и её глупым детёнышем. Однако всё это послужило ему хорошим уроком. Он уже никогда не забывал, что чужой – всегда враг.

Глава XII Приворотное зелье

Одни люди ставят капканы, чтобы добывать меха, другие – чтобы убивать вредных зверей, а иные, сами не зная зачем, расставляют ловушки круглый год. Так поступали и мальчики Бентона. Они не имели понятия о настоящей ловле капканами и всегда делали одну и ту же ошибку: привязывали приманку не к тому концу спуска. Эта ошибка до того выдавала поставленные ими капканы, что всякая лиса, обладавшая хоть крупницей лисьего здравого смысла, относилась к ним с величайшим презрением. Вокруг бентоновских капканов всегда были три верных, предостерегающих лисиц признака: запах железа, запах человеческих рук и запах человеческих ног. Запах ног скоро пропал бы, но мальчики сами постоянно возобновляли его. Запах железа оставался и ещё усиливался после каждого дождя.

Домино знал все капканы, поставленные в горах. Он мог найти их в любое время дня и ночи гораздо скорее, чем сами Бентоны. Он навевался к капканам каждый раз, когда проходил мимо. Осмотрев их на почтительном расстоянии, он делал то, что не хуже человеческих слов выражало презрение и насмешку. Даже у глупого сурка и коротколапого кролика – и у тех хватало смекалки посмеяться над бентоновскими капканами. Ну, и Домино смеялся над ними. Он никогда не забывал, проходя мимо, посмотреть на них и затем оставить следы своего посещения на каком-нибудь камне или пне.

И вот как раз в это время Бэд Бентон узнал новый способ ловли капканами. Один старый охотник с севера дал ему какой-то волшебный тошнотворный состав из бобровой струи⁶, анисового семени, глистогонного масла и других пахучих веществ. Он говорил, что нескольких капель этого волшебного зелья достаточно, чтобы привлечь всех лисиц, усыпить в них всякую осторожность и завлечь их в любую западню.

Захватив с собой чудесную склянку, молодой Бентон отправился в обход и опрыскал из неё все свои капканы. Бывают запахи, которых человек почти не замечает, – они для него словно тихий, едва слышный голос, а для лисицы эти запахи гремят, как целый оркестр, ибо у лисиц есть чутьё. Запах, который противен человеку, может показаться лисице благоуханием

⁶ Бобровая струя – ароматическое вещество, вырабатывается в особых железах бобров.

роз, сладчайшим фимиамом. Капли этого состава, попавшие на платье Бентона, распространили такую вонь, что лошади фыркали у себя в конюшне, а дома отец предлагал ему пересесть на другой конец стола. Для изощрённого чутья Домино этот запах, доносимый ветром, был так же ясен, как облако дыма, тянущееся от громадного костра, и он так же легко мог определить его источник, как можно узнать место горниста по звуку горна или положение водопада – по грохоту. Этот запах был слышен всюду и не возбуждал в Домино никакого отвращения, а, напротив, тянул к себе, как огонёк привлекает путника, заблудившегося во мраке, или как волшебная музыка могла бы заманить в лес какого-нибудь мечтателя. Выйдя на свою вечернюю охоту, Домино тотчас поднял кверху нос, чтобы узнать, откуда доносится этот запах, и пустился бегом по направлению к нему.

Через милое запахи привёл его в одно давно знакомое место, где всегда воняло человеческими следами и разило железом и лишь по временам немного примешивался, как бы для приличия, слабый запах куриной головы, глупо привязанной к капкану. У Домино представление об этом месте всегда вызывало чувство презрения, но что за перемена произошла с ним теперь! Подобно тому как заходящее солнце озаряет чудным светом кучу грязи или превращает серые облака в величавые горы пурпура и золота, эта новая, волшебная, всё растущая сила, это очарование, ещё издали проникшее через ноздри лиса в глубину его души, лишили его всякого самообладания.

Вытянув вперед свой чёрный нос, Домино медленно, но неудержимо двинулся на запах. Теперь запах уже пьянил его, туманил голову. В ушах звенело, по всему телу пробегала сладкая дрожь. Тут было и ощущение покоя после утомительного бега, и чувство приятной теплоты в холодный день, и радость наполнения голодного желудка свежей, горячей кровью.

Домино с раздутыми ноздрями, с бьющимся сердцем, с прерывающимся дыханием, полузакрыв глаза, медленно крался всё ближе и ближе к источнику этого чудесного, полного все- сильных чар запаха и наконец подошёл вплотную к скрытому капкану. Он знал, что здесь капкан, он его тотчас же заметил, но уже был околдован, уже находился в полной власти чар. Он страстно жаждал прикоснуться к этому месту, пропитаться насквозь этим запахом, столь властным и пленительным. И, весь извиваясь, он повернул набок голову и стал тереться своим красивым затылком о загрязнённую землю, затем повалился на спину и начал кататься, пачкая свою пышную шубу в пыли, пропитанной этим запахом падали. Он был на вершине восторга, как вдруг – щёлк! – и неумолимые железные челюсти схватили его за спину, глубоко зарывшись в драгоценный серебристо-чёрный мех.

Домино очнулся, и всё очарование исчезло в одно мгновение: проснулись инстинкты преследуемого зверя. Он вскочил на ноги и выпрямил свою гибкую спину. Железные челюсти капкана, запутавшиеся в шерсти, соскользнули, и Домино был свободен. Если бы он попал в капкан не широкой спиной, а лапой, его участь была бы решена. Но теперь он уже мчался прочь, широко раздувая ноздри.

Бывают неразумные лисы, которые способны несколько раз поддаваться коварному очарованию запаха и играть с верной смертью. Но для Домино было достаточно однажды понять скрытый в этом запахе ужас. Впоследствии этот завлекательный запах мгновенно пробуждал в нём воспоминание о мёртвой хватке страшных сильных челюстей.

Глава XIII Мёд из львиного чрева

Лисы продолжали собирать свою обычную дань с курятника Бентона. Так как мальчики ничего не могли поделать с ними, то наконец сам старик рассердился. Сначала он ворчал, отпуская разные презрительные замечания, начинавшиеся: «Когда я был мальчиком, то...», а затем решил тряхнуть стариной и сам принялся за ловлю.

Капканы не следует ставить около фермы, так как они только калечат собак, кошек и свиней. Хороший ловец пускает в ход свои ловушки где-нибудь вдали от жилья, в лесу.

Старик взялся за дело и отправился в обход. Он сразу же внёс несколько существенных изменений в расстановку капканов. Прежде всего старик окурил каждый капкан кедровым дымом, чтобы заглушить запах железа. Затем он изгнал всякие опрыскивания пахучими веществами. «Иной раз, – говорил он, – эта вонь действует хорошо, но она привлекает только дураков, а умные звери скоро догадываются, в чём дело, и избегают пахучих мест. Для всех лисиц всегда был и есть только один испытанный запах: это запах свежей куриной крови». Он убрал капканы с загрязнённых, хорошо известных мест и зарыл их в пыли. В пяти шагах от каждого капкана он разбросал куски курицы, после чего замёл следы кедровой веткой – и ловушка была готова.

Несколько ночей спустя Домино проходил мимо. Ещё шагов за двести он почуял запах курятины, но чем ближе он подходил, тем сильнее в нём пробуждалась его обычная осторожность. Он стал медленно подкрадываться. С раздутыми ноздрями, насторожившись, он подвигался, держась против ветра. Не пахло ни железом, ни человеческими следами, но слышался довольно едкий запах дыма, а единственное животное, которое может дымить, – это человек. Однако возможно, что эти аппетитные куски курятины просто обронены другой лисой. Он заметил, что если подойти к кускам курицы сбоку, то запах дыма не заглушает куриного запаха.

Домино ещё колебался, но в это время ветер переменился, запах дыма исчез, и остался только чистый, соблазнительный запах курятины. Домино приблизился ещё на три шага, остановился. Потом повёл носом во все стороны, тщательно принюхиваясь. Нигде не слышно было запаха человеческих следов. Перед ним была только пища, которую он столько раз ел по ночам, которую он так любил и так часто таскал к себе в нору. Однако временами он всё же чувствовал едва заметный запах дыма. Домино был осторожный зверь. Он начал уже медленно пятиться назад, выбирая почву своими стройными лапами и ставя их не на шероховатые места, а лишь на ровную, гладкую землю, как вдруг – щёлк! – Домино оказался пойманным, и на этот раз уже не за широкую спину, которую капкан не мог удержать, а за ногу. Да, теперь он попался крепко!

Напрасно он прыгал и напрягался, напрасно грыз зубами ненавистный капкан: стальные челюсти не выпускали его лапу, и все усилия освободиться только утомляли его.

Так прошло два часа в безнадёжной, изнуряющей борьбе. Домино то лежал, измученный и задыхающийся, то опять впадал в бессильное бешенство, кусал холодное, неумолимое железо и вырывал зубами молодые кустики, торчавшие кругом. Много раз он бился и напрягался, много раз, обессиленный, замирал. Он очень страдал. Страх и боль смешались в этом страдании; но временами вспыхивала ярость. Тогда, измученный и ослабевший, он на миг становился сильным и начинал рваться и грызть капкан.

Так прошёл день... Так прошла ещё одна долгая, томительно долгая ночь.

С первыми проблесками рассвета послышались чьи-то шаги. Несчастный, измученный, испачканный в пыли, выбившийся из сил лис поднял свою ещё недавно такую красивую мордочку и с ужасом увидел своего заклятого врага – лань с пятнистым детёнышем! Домино притаился как мёртвый, надеясь ускользнуть от внимания лани, но, увы, её зрение и чутьё были слишком остры. Она тотчас заметила лиса. С фырканием поднялась она на дыбы, вся шерсть её ошетилилась, зелёные огоньки бешенства сверкнули в глазах, и она бросилась на пойманного зверя. Домино увернулся. Он отскочил, насколько позволяла цепь капкана, но дальше бежать не мог. Лань как будто знала это: теперь враг был в её власти, и единственной её мыслью было сокрушить его. Торжествуя лёгкую победу, она подпрыгнула, как прыгают лани, желая раздавить ядовитую змею, высоко над головой Домино, чтобы обрушиться на него всей своей тяжестью. Он дёрнулся было в сторону. Спасения не было, и копыто изо всех сил ударило... но – о счастье! – не лиса, а мимо, по пружине страшного капкана. Стальные челюсти широко раскрылись, и Домино был свободен.

Собрав остаток сил, он бросился к ближайшей изгороди и юркнул в щель. Лань несколько раз обегала изгородь кругом, но лису, несмотря на всю его слабость и изнеможение, всё-таки каждый раз удавалось снова проскальзывать на другую сторону. Наконец, на его счастье, детёныш лани пронзительно закричал, призывая к себе мать, и та оставила преследование, а Домино, хромя, медленно поплёлся домой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.